

Она понимала, что сейчас любые слова будут бесполезны, и потому решила просто спокойно ждать, ожидая его прихода...

Она была уверена, что князь Дуань придет ее спасти, так же, как и он был одержим тронном. Князь любил ее и смог бы отнять у императора, если бы была хоть малейшая надежда. Он бы не отказался от этой возможности.

Придворные и евнухи, видя, как император шел с грозным видом, поспешно расступились, с тревогой наблюдая за этой сценой, не понимая, почему император вдруг появился здесь.

Императрица также подняла взгляд, заметив на табличке три иероглифа — «Обсерватория». В ее глазах мелькнуло недоумение, и она задумалась, зачем он привел ее сюда и что хотел показать.

Обсерватория состояла из девяти этажей и была самым высоким зданием в Императорском дворце. Император, страдающий болезнью сердца, обычно избегал быстрых движений, но сейчас он прошел столько мест, не останавливаясь, что это казалось странным.

На его висках выступил легкий пот, и на самом верхнем этаже он прижал императрицу к подоконнику.

— Посмотри, посмотри, придет ли тот, кого ты ждешь, мой дорогой брат, чтобы спасти тебя?!

Он говорил это, и в его голосе звучала горечь, ведь он никогда не думал, что однажды его собственный брат и жена окажутся теми, кто хочет его смерти.

Императрица лишь мельком взглянула вниз, и ее сердце похолодело — за пределами дворца не было видно ни одного стражника в парчовых халатах...

Император продолжал говорить, его взгляд стал рассеянным, и он вдруг начал вспоминать их прошлое, закончив словами:

— Если... я обрету сердце князя Дуань, разве это не исполнит его мечту стать императором? И ты, разве ты не любишь его? Так ты сможешь продолжать любить, я не буду против...

Императрица отступила на шаг, ее глаза пристально смотрели на императора, а пальцы так сильно впелись в ладони, что из них выступила кровь, но она этого не замечала...

В это же время Бай И договорился с князем Северо-Запада Сюань Лэ. Хотя это сложно было назвать переговорами, ведь Сюань Лэ лишь сказал:

— Ты прав, все, что ты говоришь, я поддерживаю.

Бай И слегка нахмурился, ощущая странное чувство, и затем спросил:

— Ты знаешь, что символизирует шелковая акация?

Только что они обсуждали оборону, а теперь он заговорил о цветах. Сюань Лэ улыбнулся, его лицо исказилось в усмешке.

— А что с этой шелковой акацией? Что такое символизм?

Он никогда не слышал такого слова, но из уст Бай И оно звучало свежо и интересно.

В глазах Бай И мелькнуло разочарование, и через некоторое время он сказал:

— Ничего, просто вспомнил, как ты украсил мой двор.

Сюань Лэ замолчал, но в голове уже крутилась мысль: может, после взятия столицы пересадить шелковую акацию в Императорский дворец?

Или, может, просто сделать резиденцию князя Северо-Запада новым дворцом, а Дом Беззаботности оставить как есть? Понравится ли это И?

Одна простая похвала Бай И чуть не пошатнула основы государства, что говорило о его огромном влиянии.

Генералы уже выступили с войсками, а Бай И и Сюань Лэ получили известие о битве между императором и князем Дуань лишь глубокой ночью, после чего поспешили к столице.

Князь Дуань уже некоторое время был во дворце, но не нашел ни императора, ни императрицы. Он схватил одного из стражников и стал допрашивать, узнав, что император уже полдня находится в Обсерватории.

Он спросил, где императрица, и стражник, с ножом у горла, уже не мог сопротивляться.

— Императрица... с императором...

Князь Дуань хорошо знал, что такое «убить осла, выжав из него все соки». Холодно взглянув на стражника, он перерезал ему горло, прежде чем тот успел закончить фразу. Глаза стражника закатились, но он не смог закрыть их.

Князь отшвырнул тело в сторону, на полу осталась лужа крови, но он не обратил на это внимания, направившись прямо к Обсерватории.

Он не мог сказать, что испытывает к императрице какие-то чувства, но, если говорить честно, за одну ночь, проведенную вместе, можно было бы сохранить хотя бы каплю привязанности.

Есть поговорка: то, что нельзя получить, всегда кажется самым желанным.

Для князя Дуань императрица была словно золотой цветок, который можно было коснуться, но нельзя открыто держать рядом. Это вызывало в нем тревогу, но также и странное чувство покорения, которое он не мог отпустить.

Он крикнул снизу:

— Цинэр!

Его голос эхом разнесся по Обсерватории, словно во всем дворце был только он один.

Но это было не так. Император и императрица находились на самом верхнем этаже, и, услышав этот звук, императрица зажглась в глазах, прошептав:

— Он пришел.

Ее голос звучал как победа, но также и как облегчение, словно она наконец смогла отпустить тревогу.

Император же скривился в злобе, его глаза стали ледяными, и он толкнул императрицу на смотровую площадку.

Смотровая площадка, как и следует из названия, была самым высоким местом во дворце, ближайшим к звездам.

Императрица почувствовала, как ее ноги подкашиваются, но руки были связаны, и она не могла сопротивляться, чувствуя себя совершенно беспомощной.

Тем временем князь Дуань уже начал подниматься по этажам в поисках императрицы. Император, опустив ресницы, уже слышал его голос.

Он медленно подошел к императрице, и она отступила на два шага, на лице появился настоящий страх, в отличие от прежней уверенности.

Император не знал, но она знала, сколько служанок и евнухов погибло на этой смотровой площадке...

Она никогда не думала, что однажды сама окажется в такой ситуации.

Император не стал ждать, чтобы встретиться с князем Дуань лицом к лицу...

Когда князь Дуань поднялся на последний этаж, он увидел, как чья-то фигура упала с Обсерватории, раскрывшись на земле ярким цветком крови. Императрица стояла на месте, ее лицо выражало полное неверие.

Пока их уши не услышали голоса людей.

— Император скончался... Император скончался...

Все войска уже расположились за пределами столицы, и в лагерь пришел осведомитель, передав последние новости князю Северо-Запада.

— Что ты сказал?!

Бай И вскочил со стула, его глаза выражали растерянность, словно он не мог понять, что услышал.

Генералы посмотрели на него. Хотя новость была шокирующей, в целом это была хорошая весть. Но такая реакция Бай И заставила всех насторожиться.

Осведомитель также замер на мгновение, прежде чем произнести:

— Император скончался. Я видел, как князь Дуань вошел в дворец. Наверное, это он убил императора?

— Нет, это невозможно...

Бай И прошептал, опускаясь на стул, его лицо выражало разочарование.

Если Таоте умер... Нет, как Таоте может умереть?

Может, это был вовсе не Таоте?!

Он никогда не видел императора и не знал, как тот выглядел. Он вспомнил их последнюю встречу, когда Таоте был Небесным Императором, владыкой Девяти Небес, и сейчас должен был быть верховным правителем...

При этой мысли Бай И чуть не ударил себя по лицу. Если говорить о верховной власти, то, наверное, армия князя Северо-Запада была сильнее, чем у императора?

Он на мгновение потерял голову, думая только о статусе, но не сравнивая факты...

Остальные смотрели на него, не понимая, почему его настроение так быстро изменилось.

Бай И повернулся к князю Северо-Запада Сюань Лэ, на его губах появилась улыбка, но она не дошла до глаз.

— Таоте, ты долго меня дурачил. Тебе было весело?

Сюань Лэ посмотрел на Бай И, не понимая его слов, и в голове мелькнул вопрос: кто такой Таоте?

Но прежде чем он успел спросить, он почувствовал, как вокруг стало жарко, воздух начал искажаться, а перед ним Бай И издал звонкий крик, превратившись в Феникса...

На глазах у всех Сюань Лэ почувствовал, как голова раскалывается, глядя на искаженный образ столицы Сивэй, и вдруг произнес:

— Феникс...

Бай И был слишком далеко, чтобы услышать его слова, и чувствовал сожаление, что превратился в свою истинную форму. Увидев, как Сивэй словно вспыхнул, он вспомнил Девять Небес, где Таоте превратился в свою истинную форму, а он оказался в теле Бай И. Внезапно он словно понял что-то...

<http://bllate.org/book/15500/1374897>